

В день плюща. Джеймс Джойс

[1]

*

Старый Джек сгреб золу куском картона и старательно разбросал ее поверх груды побелевших углей. Когда груды углей прикрыл тонкий слой золы, лицо старика погрузилось во тьму, но как только он начал раздувать огонь, сгорбленная тень выросла позади на стене, и лицо вновь выступило из мрака. Это было старческое лицо, очень худое, заросшее волосами. Слезающиеся от огня голубые глаза мигали, и он без конца жевал слюнявым, беззубым ртом. Угли занялись, он прислонил картон к стене, вздохнул и сказал:

– Так-то лучше, мистер О'Коннор.

Мистер О'Коннор, сидящий господин, лицо которого безобразило множество угрей и прыщей, только что скрутил папироску, но, услышав обращение, задумчиво раскрутил ее. Потом он снова начал свертывать папироску и после минутного раздумья лизнул бумажку.

– Мистер Тирни не говорил, когда вернется? – спросил он хриплым фальцетом.

– Нет, не говорил.

Мистер О'Коннор сунул папиросу в рот и начал шарить по карманам. Он извлек пачку тоненьких карточек.

– Я вам дам спичку, – сказал старик.

– Не трудитесь, все в порядке, – сказал мистер О'Коннор. Он достал одну карточку и прочел:

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ.

Район Королевской биржи.

Мистер Ричард Дж. Тирни, П. С. Б., [2] покорнейше просит Вас предоставить ему Ваш голос и Ваше содействие на предстоящих выборах в районе Королевской биржи [3].

Мистер О'Коннор был нанят агентом мистера Тирни для обхода избирателей в одном из участков квартала, но погода была ненастная, ботинки у него промокали, и потому он просиживал большую часть дня у камина в штабе комитета на Уиклоу-Стрит вместе со старым Джеком, который сторожил помещение. Они сидели здесь с тех пор, как начало смеркаться. Было 6 октября, холодный сумрачный день.

Мистер О'Коннор оторвал полоску от карточки, зажег и прикурил от нее. Пламя осветило темный и гляцевитый листок плюща у него в петлице. Старик внимательно посмотрел на него, потом снова взял картон и принялся медленно раздувать огонь, его собеседник курил.

– Да, да, – сказал он, продолжая разговор, – почему знать, как нужно воспитывать детей. Кто бы мог подумать, что он пойдет по этой дорожке. Я его отдал в школу Христианских братьев, делал для него что мог, а он вот пьянствует. Пробовал я его в люди вывести.

Он медленно поставил картон на место.

– Состарился я теперь, а то бы я ему показал. Взял бы палку да и лупил бы, покуда сил хватит – как прежде бывало. Мать, знаете ли, она его избаловала – то да се...

– Вот это и губит детей, – сказал мистер О'Коннор.

– Оно самое, – сказал старик. – И хоть бы благодарны вам были, а то – одни дерзости. Как увидит, что я выпил рюмочку, знай начинает мной командовать. Чего ждать, когда сыновья так обращаются с отцами.

– Сколько ему лет? – спросил мистер О'Коннор.

– Девятнадцать, – ответил старик.

– Почему вы не пристроите его к делу?

– Как же, чего только я не придумывал для этого забулдыги с тех пор, как он кончил школу. «Я тебя кормить не стану, – говорю я. – Ищи себе место». А когда найдет место, еще того хуже – все пропивает.

Мистер О'Коннор сочувственно покачал головой, старик замолчал, глядя на огонь. Кто-то открыл дверь в комнату и крикнул:

– Эй! Что тут у вас, масонское собрание, что ли?

– Кто там? – спросил старик.

– Что вы тут делаете в темноте? – спросил чей-то голос.

– Это вы, Хайнс? – спросил мистер О'Коннор.

– Да. Что вы тут делаете в темноте? – сказал мистер Хайнс, вступая в полосу света.

Это был высокий, стройный молодой человек со светло-каштановыми усиками. Капельки дождя дрожали на полях его шляпы, воротник пальто был поднят.

– Ну, Мэт, – сказал он мистеру О'Коннору, – как дела?

Мистер О'Коннор покачал головой. Старик отошел от камина и, спотыкаясь в темноте, разыскал два подсвечника, сунул их один за другим в огонь, потом поставил на стол. Оголенные стены комнаты выступили на свет, и огонь утратил свой веселый блеск. На стене проступило обращение к избирателям. Посредине стоял маленький стол, заваленный бумагами. Мистер Хайнс прислонился к камину и спросил:

– Он вам еще не заплатил?

– Еще нет, – сказал мистер О'Коннор. – Будем надеяться, что не подведет нас.

Мистер Хайнс засмеялся.

– О, этот заплатит. Бояться нечего, – сказал он.

– Надеюсь, поторопится, если он и вправду деловой человек, – сказал мистер О'Коннор.

– А вы как думаете, Джек? – с усмешкой обратился мистер Хайнс к старику.

Старик вернулся на свое место перед камином и сказал:

– Деньги-то у него есть. Он ведь не то что тот, другой бездельник.

– Какой это другой? – спросил мистер Хайнс.

– Колген, – ответил старик презрительно.

– Вы так говорите потому, что Колген – рабочий? Чем же это трактирщик лучше честного каменщика? Разве рабочий не имеет права быть выбранным в муниципальный совет, как всякий другой, – да у него даже больше прав, чем у этих выскочек, которые рады шею гнуть перед любой шишкой. Разве не правда, Мэт? – сказал мистер Хайнс, обращаясь к мистеру О'Коннору.

– По-моему, вы правы, – сказал мистер О'Коннор.

– Простой рабочий – он без всяких хитростей. И в муниципалитете он будет представлять рабочий класс. А этот, к которому вы нанялись, только и хочет, что заполнить себе теплое местечко.

– Само собой, рабочий класс должен иметь своего представителя, – сказал старик.

– Рабочему гроша ломаного не перепадет, – сказал мистер Хайнс, – одни щелчки достаются. А труд-то – ведь это главное. Рабочий не ищет теплых местечек своим сынкам, племянничкам да братцам. Рабочий не станет втаптывать в грязь славное имя Дублина в угоду королю немцу[4].

– Как это? – спросил старик.

– Разве вы не знаете, что они хотят поднести приветственный адрес этому королю Эдуарду, если он приедет в будущем году? С какой стати мы будем пресмыкаться перед королем-иностранцем?

– Наш не станет голосовать за адрес, – сказал мистер О'Коннор. – Он проходит по националистскому списку[5].

– Не станет? – сказал мистер Хайнс. – Поживем – увидим. Знаю я его. Недаром он Проньера Тирни.

– Черт возьми, может, вы и правы, Джо, – сказал мистер О'Коннор. – А все-таки хотел бы я получить свои денежки.

Все трое замолчали. Старик опять начал сгребать золу. Мистер Хайнс снял шляпу, стряхнул ее и опустил воротник пальто; все увидели листок плюща у него в петлице.

– Если б он был жив[6], – сказал он, показывая на листок, – кто бы говорил о

приветственных адресах.

– Верно, – сказал мистер О'Коннор.

– Что там! Было времечко, благослови его бог, – сказал старик.

В комнате опять стало тихо. В дверь протиснулся суетливый человек – у него текло из носа и замерзли уши. Он быстро подошел к камину, так энергично потирая руки, словно хотел высечь искру.

– Денег нет, ребята, – сказал он.

– Садитесь сюда, мистер Хенчи, – сказал старик, предлагая ему свой стул.

– Не беспокойтесь, Джек, не беспокойтесь, – сказал мистер Хенчи.

Он кивком поздоровался с мистером Хайнсом и сел на стул, освобожденный для него стариком.

– Вы обошли Оджиер-Стрит? – спросил он мистера О'Коннора.

– Да, – сказал мистер О'Коннор, начиная шарить по карманам в поисках записной книжки.

– Заходили к Граймсу?

– Заходил.

– Ну и что он?

– Ничего не обещает. Говорит: «Я никому не скажу, за кого собираюсь голосовать». Но думаю, с ним все будет в порядке.

– Почему это?

– Он спросил меня, кто поддерживает кандидатуру. Я назвал отца Бэрка. Думаю, все будет в порядке.

Мистер Хенчи начал опять шмыгать носом, с ужасающей быстротой потирая руки перед огнем. Потом он сказал:

– Ради бога, Джек, принесите угля. Там ведь еще есть.

Старик вышел из комнаты.

– Плохи дела, – сказал мистер Хенчи, качая головой. – Я спрашивал этого паршивца, а он говорит: «Ну, мистер Хенчи, когда я увижу, что работа идет как следует, я вас не забуду, будьте уверены». Паршивец этакий! Впрочем, чего от него ждать?

– Что я вам говорил, Мэт? – сказал мистер Хайнс. – Проньера Тирни.

– Еще какой проньера! – сказал мистер Хенчи.

– Недаром у него такие свиные глазки. Черт бы его побрал! Неужели он не может вести себя по-людски и заплатить без этих разговоров: «Видите ли, мистер Хенчи, сначала мне нужно переговорить с мистером Фэннингом... У меня и так ушло много денег». Щенок паршивый! Забыл, должно быть, то время, когда папаша его торговал старьем на Мэри-Лейн.

– А это верно? – спросил О'Коннор.

– Господи, еще бы, – сказал мистер Хенчи. – Неужели вы никогда не слыхали? Туда, к этому аристократу, заходили по утрам в воскресенье, будто бы купить жилетку или брюки. А пронырливый папаша Проныры Тирни всегда держал где-нибудь в углу черную бутылочку. Понимаете, в чем дело? Вот в этом самом. Там-то наш голубчик и появился на свет.

Старик принес немного угля и подбросил в огонь.

– Хорошенькое положеньице, нечего сказать, – заметил мистер О'Коннор. – Если он не раскошелится, пусть и не мечтает, что мы станем на него работать.

– Что же я-то могу поделывать, – сказал мистер Хенчи. – У меня самого, того и гляди, все пожитки опишут.

Мистер Хайнс засмеялся и, оттолкнувшись плечами от камина, собрался уходить.

– Все уладится, когда приедет король Эдди, – сказал он. – Ну, я уйду, ребята. Увидимся еще. Прощайте.

Он медленно вышел из комнаты. Ни мистер Хенчи, ни старик ничего не сказали, но, когда дверь за ним уже закрывалась, мистер О'Коннор, угрюмо смотревший в огонь, вдруг произнес:

– Прощай, Джо.

Мистер Хенчи подождал несколько минут, потом кивнул в сторону двери.

– Скажите мне, – спросил он, сидя по другую сторону камина, – а что привело сюда нашего приятеля? Что ему понадобилось?

– Эх, бедняга Джо! – сказал мистер О'Коннор, бросая окурок в огонь. – Сидит без гроша, как и мы с вами.

Мистер Хенчи сильно шмыгнул носом и с таким смаком плюнул в камин, что почти загасил огонь, который протестующе зашипел.

– Если вы хотите знать мое личное искреннее мнение, – сказал он, – он человек из другого лагеря. Это шпион Колгена, вот что я вам скажу. Мол, пойдите и разнюхайте, что у них делается. Вас они подозревать не будут. Так-то, раскусили?

– Ну, бедняга Джо порядочный малый.

– Отец его был человек честный и порядочный, – согласился мистер Хенчи. – Бедный Лэрри Хайнс! Он многим помог в свое время. А все-таки я опасаюсь, что наш общий приятель не больно честен. Понимаю, что без гроша нелегко, а вот шпионить – убей меня бог, этого я не понимаю. Неужели и капли самолюбия в нем не осталось?

– Не очень-то он мне нравится, – сказал старик. – Пусть работает на своих, а тут нечего вынюхивать.

– Не знаю, – сказал мистер О'Коннор с сомнением, доставая курительную бумагу и табак. – По-моему, Джо Хайнс – человек честный. Он и пером ловко орудует. Помните вы ту штуку, что он написал?

– Люди с гор и все эти фении[7] больно уж ловки, скажу я вам, – заметил мистер Хенчи. – Хотите вы знать мое личное и искреннее мнение об этих шутах гороховых? Я думаю, добрая половина их состоит на жалованье у Замка[8].

– Ну, кто его знает, – сказал старик.

– Я-то знаю, – сказал мистер Хенчи. – Они на побегушках у властей. Я не про Хайнса говорю... Нет, черт возьми, я считаю, что он не таков... Но есть один джентльмен с кривым глазом – понимаете, на какого патриота я намекаю?

Мистер О'Коннор кивнул.

– Близкий родственник майора Сэра![9] Стопроцентный патриот! Этот вам продаст родину за четыре пенса да еще будет на коленях бога благодарить за то, что есть что продавать.

В дверь постучались.

– Войдите! – сказал мистер Хенчи.

В дверях показался человек, похожий на бедного священника или бедного актера. Наглухо застегнутый черный сюртук плотно обтягивал его короткое туловище, и трудно было разобрать, какой на нем надет воротничок – духовного или светского покроя, потому что воротник потертого сюртука, в облезших пуговицах которого отражалось пламя свечи, был высоко поднят. На нем была круглая шляпа из жесткого черного фетра. Его лицо, блестящее от дождя, напоминало желтый сыр со слезой, и только на скулах проступали два розовых пятна. Он неожиданно раскрыл огромный рот, как будто хотел выразить разочарование, но в широко распахнутых очень живых синих глазах одновременно отразились удовольствие и удивление.

– А, отец Кион! – сказал мистер Хенчи, вскакивая со стула. – Это вы? Входите же!

– Нет, нет, нет! – быстро заговорил отец Кион, сложив губы трубочкой, и казалось, что он обращается к ребенку.

– Войдите же, присядьте!

– Нет, нет, нет, – сказал отец Кион тихим, ласковым, бархатным голосом. – Не стану вам мешать! Я хотел только взглянуть, нет ли тут мистера Фэннинга.

– Он рядом, в «Черном Орле», – сказал мистер Хенчи. – Может, все-таки зайдете и присядете на минутку?

– Нет, нет, благодарю вас. У меня к нему небольшое дельце, – сказал отец Кион. – Благодарю вас, не стоит.

Он попятился, и мистер Хенчи, взяв один из подсвечников, подошел к дверям, чтобы осветить ему на лестнице.

- Не беспокойтесь, пожалуйста!
- Что вы, на лестнице так темно.
- Что вы, что вы, я вижу... Благодарю.
- Теперь дойдете?
- Да, дойду... Благодарю вас.

Мистер Хенчи вернулся с подсвечником и поставил его на стол. Он снова уселся перед камином. Несколько секунд все молчали.

- Послушайте, Джон, - сказал мистер О'Коннор, раскуривая папиросу другой карточкой.
- Да?
- Что он, собственно, такое?
- Спросите что-нибудь полегче, - сказал мистер Хенчи. - Их с Фэннингом водой не разольешь. Они часто бывают вместе у Кэвенаха. Он действительно священник?
- Вроде бы... То, что называется «паршивая овца». У нас их, слава господу, не так много, а все-таки есть... Несчастный, в общем-то, человек.
- А на что он живет? - спросил мистер О'Коннор.
- Опять-таки загадка.
- Он в какой церкви? Что он делает?
- Он сам по себе, - сказал мистер Хенчи. - Прости меня, господи, - прибавил он, - ведь я его не узнал, думал, что это человек из бара с дюжиной портера.
- А действительно, как насчет портера? - спросил мистер О'Коннор.
- У меня тоже в горле пересохло, - сказал старик.
- Я три раза спрашивал этого мозгляка, прилетит он портер или нет, - сказал мистер Хенчи. - Сейчас я еще раз его спросил, а он стоит себе в жилетке, облокотившись на стойку, и шушукается с членом муниципалитета Каули.
- А что ж вы ему не напомнили? - сказал мистер О'Коннор.
- Так, не хотел подходить, пока он разговаривает с членом муниципалитета Каули. Подождал, пока он меня заметит, и сказал: «А как насчет того дельца, что я вам говорил?» - «Все будет в порядке, мистер Хенчи», - сказал он. Да что там, этот мальчик-с-пальчик и думать о нас забыл.
- Там что-то такое затевается, - задумчиво сказал О'Коннор. - Вчера я видел, как

все трое перешептывались на углу Саффолк-Стрит.

– Кажется, я знаю, какое дельце они затеяли, – сказал мистер Хенчи. – Теперь, если хочешь стать лорд-мэром, занимай у отцов города. Тогда они тебя сделают лорд-мэром. Клянусь богом! Я и сам подумываю, не сделаться ли мне отцом города. Как, по-вашему? Гожусь я?

Мистер О'Коннор засмеялся.

– Если все дело в том, чтобы быть в долгу...

– Буду выезжать из Замка, весь в горностае да в г... – сказал мистер Хенчи, – и наш Джек на запятках, в напудренном парике. Каково?

– А меня назначьте личным секретарем, Джон.

– Само собой. А отца Киона – личным духовником. Устроимся по-семейному.

– Право, мистер Хенчи, – сказал старик, – уж вы не стали бы так жаться, как другие прочие. На днях я разговорился с привратником, стариком Кигэном. «Как тебе нравится новый хозяин, Пэт? – говорю я ему. – У вас, как видно, не очень-то весело», – говорю. «Весело, – говорит он. – Обедаем в приглядку». И знаете, что он мне еще сказал? Я ему не поверил.

– Что? – спросили мистер Хенчи и мистер О'Коннор.

– Он мне сказал: «Как тебе понравится лорд-мэр города Дублина, который посылает в лавку за фунтом мяса. Вот тебе и жизнь на широкую ногу!» – говорит он. «Да брось ты!» – говорю я. «Фунт мяса для лорд-мэра!» – говорит он. «Да брось ты! – говорю я. – И что за народ пошел нынче?»

В эту минуту кто-то постучал, и в дверь просунулась голова мальчика.

– Что там? – спросил старик.

– Из «Черного Орла», – ответил мальчик, протискиваясь боком, и поставил на пол корзину, звякнув бутылками.

Старик помог рассыльному вынуть бутылки из корзины на стол и пересчитать их. Затем мальчик подхватил корзину и спросил:

– А бутылки, сэр?

– Какие бутылки? – сказал старик.

– Сначала нужно их выпить, – сказал мистер Хенчи.

– Мне велели спросить бутылки.

– Приходи завтра, – сказал старик.

– Слушай, мальчик! – сказал мистер Хенчи. – Сбегай к О'Фэррелу и попроси одолжить нам штопор – так и скажи: для мистера Хенчи. Скажи, что мы сейчас же вернем. Корзину оставь здесь.

Мальчик ушел, и мистер Хенчи начал радостно потирать руки, приговаривая:

- Ну, ну, он не так уж плох. Слово-то свое держит.
- Стаканов нет, – сказал старик.
- Не беда, Джек, – сказал мистер Хенчи. – И до нас порядочные люди пивали из бутылок.
- Все-таки лучше, чем ничего, – сказал мистер О'Коннор.
- Он-то человек неплохой, – сказал мистер Хенчи, – только Фэннинг больно уж им помыкает.

Мальчик вернулся со штопором. Старик откупорил три бутылки и отдал ему штопор, а мистер Хенчи сказал мальчику:

- Хочешь выпить, мальчик?
- Да, сэр, если можно, – сказал мальчик.

Старик неохотно откупорил еще одну бутылку и передал ее мальчику.

- Сколько тебе лет? – спросил он.
- Семнадцать, – сказал мальчик.

Старик промолчал, и мальчик взял бутылку, сказав: «Мое почтение, мистер Хенчи», выпил портер, поставил бутылку обратно на стол и обтер губы рукавом. Потом он взял штопор и боком протиснулся в дверь, бормоча что-то на прощанье.

- Вот с этого и начинают, – сказал старик.
- Лиха беда начало, – сказал мистер Хенчи.

Старик роздал те три бутылки, которые откупорил, и все трое начали пить. Отпив глоток, они поставили свои бутылки поближе на камин и удовлетворенно вздохнули.

- Сегодня я здорово поработал, – сказал мистер Хенчи, помолчав немного.
- Вот как, Джон?
- Да. Я ему завербовал парочку голосов на Даусон-Стрит, вместе с Крофтоном. Между нами говоря, Крофтон, конечно, человек хороший, но для предвыборной кампании не годится. Молчит как рыба. Стоит и глазеет, а я за него отдувайся.

Тут в комнату вошли двое. Один из них был так толст, что синий шевиотовый костюм трещал по швам на его расплывшейся фигуре. У него было большое бычье лицо, голубые глаза навывкате и седеющие усы. У другого мужчины, гораздо моложе и тоньше, было худое, чисто выбритое лицо. На нем был сюртук с очень высоким отложным воротничком и котелок с широкими полями.

- Хэлло, а вот и Крофтон, – сказал мистер Хенчи толстяку. – Легок на помине...

– Откуда выпивка? – спросил молодой человек. – Неужели наш расщедрился?

– Ну конечно! Лайонс первым долгом почуял выпивку! – сказал со смехом мистер О'Коннор.

– Так-то вы обходите избирателей? – сказал мистер Лайонс. – А мы-то с Крофтоном бегаем за голосами по холоду, под дождем!

– Ах, чтоб вас! – сказал мистер Хенчи. – Да я в пять минут соберу больше голосов, чем вы вдвоем за неделю.

– Откупорь две бутылки портера, Джек, – сказал мистер О'Коннор.

– Как же я откупорю, – сказал старик, – когда штопора нет?

– Стойте, стойте! – крикнул мистер Хенчи, вскакивая с места. – Видали вы такой фокус?

Он взял две бутылки со стола и поставил на каминную решетку. Потом снова сел перед камином и отпил глоток из своей бутылки. Мистер Лайонс сел на край стола, сдвинул шляпу на затылок и начал болтать ногами.

– Которая бутылка моя? – спросил он.

– Вот эта, старина, – сказал мистер Хенчи.

Мистер Крофтон, усевшись на ящик, не сводил глаз со второй бутылки на решетке. Он молчал по двум причинам. Первая причина, сама по себе достаточно веская, была та, что ему нечего было сказать; вторая причина была та, что он считал своих собеседников ниже себя. Раньше он собирал голоса для Уилкинса, но когда консерваторы сняли своего кандидата и, выбирая меньшее из двух зол, отдали свои голоса кандидату националистов[10], его пригласили работать для мистера Тирни.

Через несколько минут послышалось робкое «пок» – из бутылки мистера Лайонса вылетела пробка. Мистер Лайонс соскочил со стола, подошел к камину, взял бутылку и вернулся к столу.

– Я как раз говорил, Крофтон, – сказал мистер Хенчи, – что мы с вами сегодня собрали порядочно голосов.

– Кого вы завербовали? – спросил мистер Лайонс.

– Ну, во-первых, я завербовал Паркса, во-вторых, я завербовал Аткинсона, и я завербовал еще Уорда с Даусон-Стрит. Замечательный старик, настоящий джентльмен, старый консерватор. «Да ведь ваш кандидат – националист», – говорит он. «Он уважаемый человек, – говорю я. – Стоит за все, что может быть полезно нашей стране. Налоги большие платит, – говорю я. – У него дома, в центре города, три конторы, и в его интересах, чтобы налоги понизились. Это видный и всеми уважаемый гражданин, – говорю я, – попечитель совета бедных, не принадлежит ни к какой партии – ни к хорошей, ни к дурной, ни к посредственной». Вот как с ними надо разговаривать.

– А как насчет адреса королю? – сказал мистер Лайонс, выпив портер и причмокнув

губами.

– Вот что я вам скажу, – начал мистер Хенчи, – и это серьезно, нашей стране нужен капитал, как я уже говорил старому Уорду. Приезд короля означает приток денег в нашу страну. Гражданам Дублина это пойдет на пользу. Посмотрите на эти фабрики на набережных – они бездействуют. Подумайте, сколько денег будет в стране, если пустить в ход старую промышленность – заводы, верфи и фабрики. Капитал – вот что нам нужно.

– Однако послушайте, Джон, – сказал мистер О'Коннор. – С какой стати мы будем приветствовать короля Англии? Ведь сам Парнелл...[11]

– Парнелл умер, – сказал мистер Хенчи. – И вот вам моя точка зрения. Теперь этот малый взшел на престол, после того как старуха мать[12] держала его не у дел до седых волос. Он человек светский и вовсе не желает нам зла. Он хороший парень, и очень порядочный, если хотите знать мое мнение, и без всяких глупостей. Вот он и говорит себе: «Старуха никогда не заглядывала к этим дикарям ирландцам. Черт возьми, поеду сам, посмотрю, какие они!» И что же нам – оскорблять его, когда он придет навестить нас по-дружески? Ну? Разве я не прав, Крофтон?

Мистер Крофтон кивнул.

– Вообще, – сказал мистер Лайонс, не соглашаясь, – жизнь короля Эдуарда, знаете ли, не очень-то...[13]

– Что прошло, то прошло, – сказал мистер Хенчи. – Лично я в восторге от этого человека. Он самый обыкновенный забулдыга, вроде нас с вами. Он и выпить не дурак, и бабник, и спортсмен хороший. Да что, в самом деле, неужели мы, ирландцы, не можем отнестись к нему по-человечески?

– Все это так, – сказал мистер Лайонс. – Но вспомните дело Парнелла.

– Ради бога, – сказал мистер Хенчи, – а в чем сходство?

– Я хочу сказать, – продолжал мистер Лайонс, – что у нас есть свои идеалы. Чего же ради мы будем приветствовать такого человека? Разве после того, что он сделал, Парнелл годился нам в вожди? С какой же стати мы будем приветствовать Эдуарда Седьмого?

– Сегодня годовщина смерти Парнелла, – сказал мистер О'Коннор. – Кто старое помянет... Теперь, когда он умер и похоронен[14], все мы его чтим, даже консерваторы, – сказал он, оборачиваясь к мистеру Крофтону.

Пок! Запоздалая пробка вылетела из бутылки мистера Крофтона. Мистер Крофтон встал с ящика и подошел к камину. Возвращаясь со своей добычей, он сказал проникновенным голосом:

– Наша партия уважает его за то, что он был джентльменом.

– Правильно, Крофтон, – горячо подхватил мистер Хенчи. – Он был единственный человек, который умел сдерживать эту свору. «Молчать, собаки! Смирно, щенки!» Вот как он с ними обращался. Входите, Джо! Входите! – воскликнул он, завидя в дверях мистера Хайнса. Мистер Хайнс медленно вошел.

– Откупорь еще бутылку, Джек, – сказал мистер Хенчи. – Да, я и забыл, что нет штопора! Подай-ка мне одну сюда, я поставлю ее к огню.

Старик подал ему еще одну бутылку, и мистер Хенчи поставил ее на решетку.

– Садись, Джо, – сказал мистер О'Коннор, – мы здесь говорили о вожде.

– Вот-вот, – сказал мистер Хенчи.

Мистер Хайнс молча присел на край стола рядом с мистером Лайонсом.

– Есть по крайней мере один человек, кто не отступился от него, – сказал мистер Хенчи. – Ей-богу, вы молодец, Джо! Ей-ей, вы стояли за него до конца.

– Послушайте, Джо, – вдруг сказал мистер О'Коннор. – Прочтите нам эти стихи... что вы написали... помните? Вы знаете их наизусть?

– Давайте! – сказал мистер Хенчи. – Прочтите нам. Вы слышали их, Крофтон? Так послушайте. Великолепно.

– Ну, Джо, – сказал мистер О'Коннор. – Начинайте.

Казалось, что мистер Хайнс не сразу вспомнил стихи, о которых шла речь, но, подумав минутку, он сказал:

– А, эти стихи... давно это было.

– Читайте! – сказал мистер О'Коннор.

– Ш-ш! – сказал мистер Хенчи. – Начинайте, Джо.

Мистер Хайнс все еще колебался. Потом, среди общего молчания, он снял шляпу, положил ее на стол и встал. Он как будто повторял стихи про себя. После довольно продолжительной паузы он объявил:

СМЕРТЬ ПАРНЕЛЛА

6 октября 1891 года

Он откашлялся раза два и начал читать:

Он умер. Мертвый он лежит,
некоронованный король.
Рыдай над ним, родной Эрин[15],
он пал, сраженный клеветой.
Его травил свора псов,
вскормленных от его щедрот.
Ликует трус и лицемер,
гремит победу жалкий сброд.
Ты слезы льешь, родной Эрин,
и в хижинах, и во дворцах;
свои надежды схоронил
ты, схоронив великий прах.
Он возвеличил бы тебя,
взрастил героев и певцов;
он взвил бы средь чужих знамен

зеленый стяг твоих отцов.
К свободе рвался он душой,
и миг желанный близок был,
когда великого вождя
удар предательский сразил.
Будь проклят, кто его убил
и тот, кто, в верности клянясь,
отдал его на суд попам,
елейной шайке черных ряс.
И те, кто грязью забросал
его, лишь стон последний стих;
позор пожрет их имена
и память самое о них.
Ты бережно хранишь, Эрин,
героев славные сердца.
Он пал, как падает боец,
он был отважен до конца.
Не беспокоит сон его
ни шум борьбы, ни славы зов;
он спит в могильной тишине,
лежит, сокрытый от врагов.
Победа – их, он – пал в бою;
но знай, Эрин, могучий дух,
как Феникс, вспрянет из огня,
когда Заря забрезжит вдруг.
Родной Эрин свободу пьет,
и в кубке Радости хмельном
лишь капля горечи одна –
что Парнелл спит могильным сном.
Мистер Хайнс снова присел на стол. Он кончил читать, наступило молчание, потом
раздались аплодисменты; хлопал даже мистер Лайонс. Аплодисменты продолжались
некоторое время. Когда они утихли, слушатели молча отхлебнули из своих бутылок.

Пок! Пробка выскочила из бутылки мистера Хайнса, но мистер Хайнс, без шляпы,
раскрасневшийся, остался сидеть на столе. Он словно ничего не слышал.

– Молодец, Джо! – сказал мистер О'Коннор и вынул из кармана бумагу и кисет,
чтобы скрыть свое волнение.

– Ну, как ваше мнение, Крофтон? – вскричал мистер Хенчи. – Ведь замечательно? А?

Мистер Крофтон сказал, что стихи замечательные.

Примечания

1 6 октября, годовщина смерти Чарльза Стюарта Парнелла. Странники Парнелла,
оставшиеся верными его памяти, в этот день носили в петлице листок плюща.
Зеленый цвет – национальный цвет Ирландии.

2 Попечитель совета бедных. В соответствии с Законом о бедных, который
действовал с 1834 по 1948 год, были учреждены работные дома с жестким режимом,
куда помещались бедняки, обращавшиеся за помощью. Закон на местах осуществляли
попечители, пользовавшиеся чаще всего дурной славой среди бедных.

3 Королевская биржа расположена около Замка, который, в свою очередь, находится

в самом центре Дублина, на правом берегу Лиффи, и является административным центром Ирландии. Это резиденция лорд-наместника, назначаемого английским правительством.

4 Эдуард VII (1841 – 1910), английский король с 1901 г., из Саксен-Кобург-Готской династии. Как и его родители, королева Виктория и принц Альберт, Эдуард поддерживал весьма тесные контакты с Германией. В 1902 г. король отложил свою поездку в Ирландию, поскольку в стране царили неблагоприятные антимонархические настроения. Поездка состоялась в 1903 г. Ирландские националисты добились отмены вручения традиционного адреса королю.

5 Подразумевается, что Тирни – член ирландской парламентской партии (партии гомрулеров), в которой после отставки Парнелла в 1890 г. произошел раскол.

6 Имеется в виду Парнелл.

7 Ирландские мелкобуржуазные революционеры-республиканцы второй половины XIX – начала XX века, члены тайных заговорщических организаций «Ирландские революционные братства». Боролись, прибегая к террористическим актам, за независимость Ирландии. Название происходит от смешения Fene(ст.-гэльск.) – название обитателей древней Ирландии и Fianna(гэльск.) – легендарные воины, защитники страны во времена короля Финна Мак Куля (III в.). Иногда фениев называли «людьми с гор» – по месту, где они скрывались.

8 Подразумевается работа на английские власти.

9 Генри Чарльз Сэр (1764–1841), мэр Дублина в 1798 г., служил англичанам, принимал активное участие в подавлении восстания 1798 г., организованного обществом «Объединенные ирландцы», которое было ответом на колониальную политику Англии. Прославился своей жестокостью и неразборчивостью в средствах.

10 Ирландские консерваторы находились в сговоре с английской консервативной партией. В 90-е годы XIX в. консерваторы предлагали компромиссное решение ирландского вопроса. Они поддерживали земельную реформу, но выступали за Унию с Англией 1801 года, которая окончательно ликвидировала остатки автономии страны. Также они всячески бойкотировали политику гомруля.

11 В 1885 г. Парнелл призывал «всех независимых и патриотически настроенных граждан Ирландии» бойкотировать визит Эдуарда VII, в ту пору принца Уэльского.

12 Имеется в виду королева Виктория (1815–1901; правила с 1837 г.). Значительную часть своей жизни ее сын Эдуард провел как наследник престола, «принц Уэльский»; Виктория старательно не допускала его до сколько-нибудь серьезного участия в политической жизни страны.

13 Подразумеваются многочисленные любовницы короля, судебные процессы, в которые он был втянут из-за своего сомнительного поведения.

14 Парнелл умер в Англии, затем его тело было перевезено в Дублин.

15 Древнее название Ирландии.